

УДК 902:904(574.5)

<https://doi.org/10.26516/2227-2380.2025.53.3>

Архаичные элементы мировоззрения жителей средневековых городов Южного Казахстана на примере изображений барана на керамических изделиях

К. Ю. Маркова*

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Аннотация. Анализируется традиция изображения барана на керамических изделиях из городов Южного Казахстана в период средневековья (с VII по XIII в.). На основе семантического, культурно-исторического и системного подходов приводится краткий обзор истории изучения вопроса, систематизация керамических изделий в соответствии со способами воспроизведения образа (пластика, рисунок), хронологией изготовления и функциональным назначением предметов. Отмечается трансформация изобразительной традиции, ее схематизация от целого образа до мотива, приводятся некоторые этнографические данные исследователей казахского и киргизского народов, коррелирующие с обычаем изображения барана на керамике. Описаны некоторые элементы обрядовой деятельности, этикетных правил, генезис которых восходит к древности и средневековью.

Ключевые слова: изображение барана, керамика, средневековые города, Южный Казахстан, мировоззрение, обряды, традиции, правила этикета.

Маркова К. Ю. Архаичные элементы мировоззрения жителей средневековых городов Южного Казахстана на примере изображений барана на керамических изделиях // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2025. Т. 53. С. 3–15. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2025.53.3>

Archaic Elements of the Worldview of Inhabitants of Medieval Cities of Southern Kazakhstan on the Example of Images of a Ram on Ceramic Items

К. Ю. Маркова*

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

Abstract. This article examines the tradition of depicting rams on ceramics from the cities of Southern Kazakhstan, dating back to the 7th–13th centuries. Despite the diverse ethnopolitical character of the Zhetysu and Southern Kazakhstan regions, which persisted throughout Antiquity and the Middle Ages, as well as frequent changes in state religions, some visual motifs, in particular the image of a ram, remained stable (traditional). Since the first excavations in Semirechye and Southern Kazakhstan, researchers have collected a huge amount of archaeological material, allowing them to study ceramics with animal images. It has been established that the majority of zoomorphic images from this period depict rams: out of 124 items with animals, 77 contain images of rams, representing ten different species. This raises an interesting question: what did this animal mean to the people of Southern Kazakhstan? And what role did this play in their rituals, art, and daily life – not only in ancient times, but also among the modern peoples of Central Asia? During the study, ceramic items were systematized according to the methods of image reproduction (plasticity, pattern), chronology of production and functional purpose. The items were studied in two chronological groups (7th–11th centuries and 12th–13th centuries) and classified into eight types depending on their functional purpose. As a result, a transformation in the visual tradition was revealed with a transition from the schematization of entire images to motifs. In the early period, rams were depicted more realistically; in later items, their depiction was often reduced to stylized horns or simplified forms. Sometimes, instead of whole animals, only parts of them are depicted, for example, horns, using S-shaped elements or cone-shaped overlays with vertical dotted lines, which can symbolize solar symbols or be related to Farnar, an Avestan deity associated with light and warmth. Farnare was often depicted as a falcon or a ram. Ethnographic data on the Kazakh and Kyrgyz people highlight the importance of this animal in their worldview and rituals, performing protective functions or, as was believed, attracting wealth and promoting harmony in the universe.

Keywords: image of a ram, ceramics, medieval cities, Southern Kazakhstan, worldview, rituals, traditions, rules of etiquette.

For citation: Markova K. Yu. Archaic Elements of the Worldview of Inhabitants of Medieval Cities of Southern Kazakhstan on the Example of Images of a Ram on Ceramic Items. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series.* 2025, Vol. 53, pp. 3–15. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2025.53.3> (In Russ.)

* Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.

See the last page of the article for full authors information.

Введение

Мировоззрение народа формируется на протяжении всей его истории. Это сложный процесс, который включает в себя сохранение традиций прошлого, последствия важнейших исторических событий, результаты взаимодействия самобытной культуры с «чужими» культурами, черты которых заимствованы у других народов или привнесены последними в процессе активных контактов. О системе ценностей народа можно судить не только по его традициям, обрядовым и календарным праздникам, приметам, обычаям, но и по материальной культуре, особенно декоративно-прикладному творчеству. Соотнесение этнографических и археологических данных помогает отчетливее представить картину мира определенного народа, показать устойчивость его мировоззренческих концептов, определить роль тех или иных племен в формировании этноса. Это дает нам возможность лучше понимать поведенческие особенности народов, учитывать их в процессе взаимодействия в современных условиях, что, безусловно, является актуальным. Изучая культуру жителей средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана, приходим к выводу, что в формировании казахского и киргизского народов участвовало множество кочевых племен, сменявших друг друга в регионе на протяжении периодов древности и средневековья. С III по VII в. в Семиречье проживали северо-иранские кочевые племена кангюйцев (представители раннеземледельческих каунчинской и оттарско-каратауской культур), ассилированные пришедшими в Жетысу в VI в. тюрками [Бартольд, 1943, с. 16; Бернштам, 1941, с. 25; Кляшторный, 1964, с. 174]. В VIII в. в Семиречье и Южном Казахстане проживали тюркские племена огузов, карлуков и кимаков [Агаджанов, 1969, с. 129–132]. В начале XI в. их сменили кипчаки [Агаджанов, 1969, с. 158; Бартольд, 1993, с. 87]. Кроме того, «след» в культуре Южного Казахстана оставило согдийское население, мигрировавшее сюда в V и VII вв. из южных регионов Средней Азии [Бернштам, 1941, с. 18, 27] и основавшее городские поселения, что способствовало формированию так называемого тюрко-согдийского феномена в культуре среднеазиатских народов. Но, несмотря на сложную этнополитическую обстановку в регионе, сквозь века сохранялась преемственность в культуре, оставались востребованными многие изобразительные мотивы, в частности воспроизведение образа барана на керамических изделиях.

Имея большое количество археологического материала, накопленного исследователями с XIX в. до сегодняшнего дня и опубликованного в трудах казахстанских и русских ученых, можно попытаться объяснить значение некоторых древних традиций семиреченских жителей, бытующих до сих пор у казахского и киргизского народов. Остановимся на описании керамических предметов быта и культа, в которых через технику исполнения, орнамент, функциональное назначение передаются мировоззренческие идеи общества. В процессе изучения фигурной керамики с зооморфными мотивами VII–XIII вв., обнаруженной на городищах Семиречья и Южного Казахстана, мы пришли к выводу, что самым распространенным животным, изображаемым на изделиях, был баран или его упрощенная передача – стилизованные рога. Из 124 экземпляров керамического материала, передающего образы 10 видов животных, 77 предметов имели мотивы, воспроизводящие облик барана. Изделия были найдены в результате археологических работ на территории городищ преимущественно Южного Казахстана: Отара (65 экз.) и Оттарского оазиса (Куйрыктобе (7 экз.)), Костобе (1 экз.),

Куюк-Мардана (1 экз.), Культобе (3 экз.). Ежегодно коллекции пополняются. В истории изучения традиции изображения барана на изделиях из глины в средневековой городской культуре Южного Казахстана наблюдается противоречивость выводов. Большинство исследователей склоняется к идею о том, что частое изображение барана на предметах декоративно-прикладного творчества населения Жетысу связано с миграцией в Южный Казахстан оседлых согдийцев, принесших с собой не только опыт градостроительства, но и культ Фарна, символизирующего огонь, свет и тепло и являющегося хранителем очага и семьи, покровителем богатства. «Благо» (Фарн или Хварно) семьи, рода, племени или самого правителя воплощалось у древних народов в образе барана. Между тем в среде самих кочевников баран был самым востребованным животным, неприхотливым к погодным условиям и массовому морю. Продукция, которую получали от этого вида животноводства, была незаменима в средеnomадов. В большинстве средневековых обрядов тюрков баран использовался в качестве жертвенного животного. Поэтому целью исследования стало определение значения изображения барана в ремесленной и обрядовой практике древних горожан Южного Казахстана и отражение архаичных элементов культа животного в повседневной жизни современных среднеазиатских народов. В качестве задач была предпринята попытка систематизировать керамический материал по хронологическому и функциональному признакам, выделить типы изображений в соответствии с морфологическими и стилистическими особенностями, отметить трансформацию изобразительной традиции.

Подходы и методы

В ходе работы использованы семантический, культурно-исторический и системный подходы. Определенные мотивы и образы, воспроизведенные в фигурной керамике с южноказахстанских городищ, соотносятся с животным: бараном или частями его тела. Представлен краткий обзор исследований изображения барана на керамических изделиях среднеазиатской городской культуры. Изменение изобразительной традиции передачи образа барана на предметах быта показано в историческом развитии. Изучение культа барана в системе ценностей народов Казахстана и Кыргызстана в период средневековья является частью комплексного анализа особенностей культуры среднеазиатских народов древности. Описание, анализ изображений барана на керамических изделиях, поиск аналогий, систематизация по способам воспроизведения, функциональному назначению изделий, хронологическим группам, сравнение результатов анализа с этнографическими данными – основные методы, применяемые в данном исследовании. Описываемый археологический материал относится к периоду с VII по XIII в. – времени развития городской культуры в Семиречье и Южном Казахстане.

Краткий обзор исследований по теме

Публикации с описанием керамических изделий, воспроизводящих барана или его частей (рога), представлены в монографиях Н. О. Алдаберганова, К. М. Байпакова, Д. А. Воякина, И. В. Ерофеевой, Е. С. Казизова, Г. А. Капековой, А. Н. Марьшева, Г. А. Терновой [Байпаков, Алдаберганов, 2005, с. 115, 128; Байпаков, Терновая, 2005, с. 92–94; Сокровища ..., 2011 с. 469, 489; История ..., 2018, с. 142, 162], в сборниках материалов международных конференций [Торгованов, Кулиш, Борсунбаев, 2020].

Анализ генезиса культа барана у жителей средневековых городов Южного Казахстана приводится в работе К. М. Байпакова и Г. А. Терновой по изучению религий и культов Отарского региона на примере городища Куйрыктобе (средневековый город Кедер) [Байпаков, Терновая, 2005, с. 94]. Объясняя семантику образа барана, воспроизведенного на керамических изделиях, исследователи приходят к разным мнениям. Изображение барана могло указывать на родство народа с животным и устойчивость тотемистических представлений [Григорьев, 1935], на сакральность пищи, для которой предназначался сосуд с изображением барана, и его охранительные функции [Скалон, 1941, с. 183–184]. Также баран на керамических изделиях мог быть связан с древним культом этого животного и необходимостью привлечения местными жителями удачи в разведении скота [Агеева, Пацевич, 1958; Древности …, 1968, с. 250]. В большинстве своем в работах авторов дается интерпретация изображений барана на посуде как передача образа Фарна (Хварно) – персонажа авестийского культа, символизирующего солнце, огонь, могущество, покровительствующего правителям. Традиция украшения ручек крышек от котлов налепными головами баранов, наблюдавшаяся и в более раннее время у кангюйских и сарматских племен, призвана была обеспечить изобилие, достаток, здоровье и выступать в качестве оберега пищи от злых духов [Байпаков, Терновая, 2005, с. 93–94; Байпаков, Алдаберганов, 2005, с. 115, 128; История …, 2018, с. 162; Литвинский, 1968, с. 59–69, 90, 109–110].

В 1980-м гг. К. М. Байпаков провел обобщающее исследование керамических изделий с городищ Южного Казахстана, выполненных в форме баранов, с налепами на ручках и сливами сосудов в виде бараньих голов или рогов. Автор выделил четыре хронологические группы, охватившие период с первых веков н. э. до XVIII в., и четыре типа изображений барана. По функциональному назначению он разделил предметы на фигурки, сливы сосудов в виде реалистичных протом баранов, налепы рогов барана на различных частях посуды (ручках, тулове, крышках) [Байпаков, 1980, с. 32–34]. К. М. Байпаков приходит к выводу, что образ барана, отраженный в художественном творчестве средневекового Южного Казахстана, связан с синкретизмом культуры жителей Сырдарьи. Изображение барана могло свидетельствовать как о древних тотемистических представлениях, культах самого животного (источника благосостояния древних кочевых племен), так и об элементах зороастрийских обрядов (передача авестийского Фарна), привнесенных в результате миграций согдийцев [Там же, с. 43–44].

В результате анализа научных изысканий ученых становится ясно, что изображение барана или его признака (витых рогов) на предметах декоративно-прикладного искусства из Южного Казахстана, – это устоявшаяся изобразительная традиция мастеров данного региона, которая насчитывает около двух тысяч лет.

Коллекции артефактов с зооморфными мотивами ежегодно пополняются благодаря археологическим экспедициям в Средней Азии. В августе 2025 г. нами проводилось исследование археологических материалов, хранящихся в фондах музеев городов Южного Казахстана. По результатам работы были зафиксированы и описаны целые и фрагментированные фигурки, сливы и керамические ручки крышек с налепами и навершиями, воспроизводящими барана или его части. Всего отмечено 44 экземпляра, из которых 30 – не опубликованы, в связи с чем возникает необходимость провести очередное исследование фигурной керамики, воспроизводящей облик барана.

Материалы

Материал для анализа был взят из публикаций казахстанских археологов [Байпаков, Терновая, 2005, с. 92–94; Байпаков, Алдаберганов, 2005, с. 115, 128; Сокровища ..., 2011, с. 469, 489; Вайнберг, 1977, с. 39; История ..., 2018, с. 142, 162; Торгоев, Кулиш, Борсунбаев, 2020, с. 225–226]. Большая часть предметов, а именно зооморфные статуэтки и навершия крышек, были изучены нами в фондах Национального музея Республики Казахстан (г. Астана), Центрального государственного музея Республики Казахстан (г. Алма-Ата), Жамбылского областного историко-краеведческого музея и историко-культурного музея-заповедника «Памятники древнего Тараза» (г. Тараз), Туркестанского областного историко-краеведческого музея (г. Шымкент), музея-заповедника «Әзірет Сұлтан» (г. Туркестан) и музея-заповедника «Отырар» (с. Шаульдер).

В исследовании мы также обратились к этнографическим работам С. М. Абрамзона [1978], Х. М. Аргынбаева [1974], Т. Д. Баялиевой [1967], С. Г. Кляшторного [1981], Р. М. Мустафиной [1992], Ш. Ж. Тохтабаевой [2013], описавшим значение барана (овцы) в обрядовой практике народов Казахстана и Кыргызстана.

Результаты исследования

Керамические изделия с изображением барана можно разделить на две хронологические группы: 1) предметы, созданные в период с VII по XI вв., и 2) предметы, датируемые XII–XIII вв. Подгруппы изображений в соответствии с функциональным назначением артефактов в хронологических группах представлены в таблице.

Таблица
Классификация керамических изделий с изображениями барана
Table
Classification of ceramic items with images of a ram

Группа 1 (VII–XI вв.)		Группа 2 (XII–XIII вв.)	
Подгруппа	Кол-во, экз.	Подгруппа	Кол-во, экз.
1. Статуэтки баранов	6	1. Статуэтки баранов	1
2. Ручки крышек в виде протомы барана	27	2. Ручки крышек в виде протомы барана	15
3. Сливы сосудов в виде протомы барана	1	3. Сливы сосудов в виде протомы барана	1
4. Курильницы и очажные подставки	3	4. Курильницы и очажные подставки	1
5. Керамические сосуды и крышки с налепами в виде закрученных в спираль рогов барана	1	5. Керамические сосуды и крышки с налепами в виде закрученных в спираль рогов барана	2
		6. Посуда с прочерченным s-образным мотивом «бараньих рогов»	5
		7. Дастанханы с налепами-конусами, воспроизведяющими рога молодого барана (?)	6
		8. Статуэтки баранов и навершия крышек в виде протом баранов, покрытые голубой и зеленой поливой	8

Цвета глазури (голубой и зеленый), которыми покрывались фигурки баранов, могут быть связаны с передачей образов бескрайних степей и голубого неба у кочевников (рис. 1, 1). Ценным для жертвоприношения у казахов считался серый (голубой) баран [Аргынбаев, 1975], возможно, символизирующий небо и связь с тюркским божеством верхнего мира Тенгри (Синее Небо) [Тохтабаева, 2013, с. 23].

Изучив керамические изделия, передающие образ барана, удалось выделить некоторые стилистические приемы и особенности художественного стиля мастеров Южного Казахстана. Изображение барана на предметах первой группы более реалистичное, чем второй группы. Характерна проработанность деталей: горбоносая морда, глаза в форме круглых налепов, широкие ноздри, открытый рот, рога переданы закрученными в спираль налепами. На крышках с «ручками-баранами» часто встречаются вертикальные насечки в наклон, возможно имитирующие шерсть животного (рис. 1, 2), каплевидные вдавления, а также налепы, покрывающие хаотично всю протому и часть крышки. Такие налепы в основном двух видов: центрированный перл (рис. 1, 3) (перл с вдавленным небольшим круглым отверстием) и налепы в виде конусов с вертикальными прочерченными линиями (рис. 1, 4). Зооморфные признаки на изделиях второй группы показаны художниками древности условно. Детали нечеткие, нет изображений рта, глаз, носа. Часто на ручках крышек можно увидеть навершия в виде сильно стилизованных бараньих голов, покрытых налепами-конусами, или только налепы закрученных в спираль рогов (рис. 1, 5). Такая схематизация изобразительного стиля с IX–XI вв. характерна для искусства Центральной Азии в целом и связана с распространением ислама в регионе, запрещающего рисовать человека и животных [Ремпель, 1978, с. 82–83, 183–184]. В соответствии с морфологическими и стилистическими признаками нами были выделены следующие восемь типов изображений барана:

- 1) протомы барана с рогами, образованными сомкнутыми у морды налепными орнаментированными линиями, закрученными в спираль с вдавлениями или отверстием в центре рогов (рис. 1, 6);
- 2) протомы барана с выпуклыми круглыми налепными рогами (рис. 1, 7);
- 3) навершия ручек в виде головы барана с петлей (см. рис. 1, 2, 3);
- 4) голова барана, выполненная с помощью продавленных линий-канавок;
- 5) баран с открытым ртом (рис. 1, 8);
- 6) двухголовый баран;
- 7) баран с рогами в виде центрированного перла (рис. 1, 9);
- 8) баран-петух (полиморфное изображение).

Воспроизведение облика барана или его символа на керамических изделиях Средней Азии в XIII–XV вв. говорит о сохранении изобразительной традиции мастеров, несмотря на разрушительные последствия для городской культуры захватований в XIII в. татаро-монголов.

Передача образа барана на керамических предметах быта и культа (ручках крышек котлов, очажных подставках, курильницах, статуэтках и др.) играла важную роль в духовной культуре горожан средневекового Южного Казахстана и раскрывает нам определенные черты их мировоззрения.

Рис. 1. Изображения барана на керамических изделиях, городище Отрап, Южный Казахстан
(фонды Отрапского государственного археологического музея-заповедника):

1 – навершие в виде протомы барана, покрытое голубой поливой, XIII в. (инв. № КП 1659); 2 – навершие крышки в виде головы барана с имитацией шерсти, XI–XII вв. (инв. № КП 8459); 3 – навершие крышки в виде головы барана с центрированными перлами, X–XI вв. (инв. № КП 3012);

4 – навершие крышки в виде головы барана с рогами-конусами, X–XI вв. (инв. № КП 8935); 5 – фрагмент ручки с налепом в виде бараньих рогов, X–XI вв. (инв. № КП 3047); 6 – навершие крышки в виде головы барана, X–XI вв. (инв. № КП 3730); 7 – навершие крышки в виде головы барана с выпуклыми круглыми налепными рогами, X–XI вв. (инв. № КП 85); 8 – навершие крышки в виде головы барана с открытым ртом, X–XI вв. (инв. № КП 2545); 9 – навершие крышки в виде головы барана с центрированным перлом вместо рогов, XII в. (инв. № КП 3014)

Fig. 1. Images of rams on ceramic items, Etrap Otrar, Southern Kazakhstan

(funds of the Otrar State Archaeological Museum-Reserve):

1 – ram protome finial covered with blue glaze, 13th century (inventory number КП 1659); 2 – ram head cover finial with wool imitation, 11th–12th centuries (inventory number КП 8459); 3 – ram head cover finial with centered pearl ornaments, 10th–11th centuries (inventory number КП 3012); 4 – ram head cover finial with conical horns, 10th–11th centuries (inventory number КП 8935); 5 – fragment of a handle with molding in the form of ram horns, 10th–11th centuries (inventory number КП 3047); 6 – ram head cover finial, 10th–11th centuries (inventory number КП 3730); 7 – ram head cover finial with convex round molding horns, 10th–11th centuries (inventory number КП 85); 8 – ram head cover finial with open mouth, 10th–11th centuries (inventory number КП 2545); 9 – ram head cover finial with a centered pearl instead of horns, 12th century (inventory number КП 3014)

Обратившись к этнографическим материалам XIX – начала XX в. о казахском и киргизском народах, отмечаем, что изображение барана или его рогов использовали в качестве оберега для защиты от злых духов, неудачи и «дурного глаза». Над входом в жилище, как сообщают исследователи, можно было увидеть бараньи рога, орнамент в виде бараньих рогов украшал ковры, головные уборы, одежду казахов и киргизов [Демидов, 1962; Снесарев, 1969, с. 115–116]. Чаще всего барана использовали в обрядах жертвоприношения шаманов [Басилов, Нязкычев, 1975, с. 126, 129–130].

Сегодня в культуре казахского и киргизского народов отчасти сохранились и продолжают бытовать древнейшие магические суеверия и обряды. Особенно они проявляются у сельских жителей. У киргизов и казахов баран считается жертвенным животным, которое использовали во многих магических ритуалах, связанных с земледелием и скотоводством с целью привлечения плодородия и плодовитости. Для обеспечения урожая и вызова дождя жители южных районов Казахстана вплоть до конца XX в. обращались к обряду *тасаттык* – жертвоприношению по случаю засухи. Кровь убитого барана обязательно должна была стечь в проточную воду или быть закопана в землю, чтобы пошел долгожданный дождь [Мустафина, 1992, с. 124]. У скотоводов для охраны скота от болезней, прекращения падежа, роста численности поголовья также использовали ритуалы с бараном. Ш. Ж. Тохтабаева описала необычную церемонию для прекращения падежа скота. Для этого у казахов было принято приглашать зятя, сажать его на почетное место в доме и угощать бараньей головой, предназначенной обычно только для самых важных гостей или пожилого члена семьи. Зять должен был при этом грубо отзываться о родственниках жены. Подобная имитация нарушения жизненного уклада соответствовала случившемуся мору домашних животных, а возвращение зятя на свое место и возобновление порядка в домашних традициях должно было привлечь благополучие в животноводстве [Тохтабаева, 2013, с. 34–35].

Охранительные функции животного проявляются в традиции казахов изготавливать амулеты с бараньей шерстью и обереги из рогов [Мустафина, 1992, с. 154; Тохтабаева, 2013, с. 33–34]. При лечении детей от болезней и бесплодия у женщин проводят обряды, где атрибутами являются кости и мясо барана [Абрамзон, 1978, с. 51]. Барана приносят в жертву во время сватовства, а также в знак перемирия между враждующими сторонами [Аргынбаев, 1974, с. 69; Тохтабаева, 2013, с. 201–204, 425].

Посуда, имеющая налепы и сливы, воспроизводящие образ барана, скорее всего, относилась к обрядовой деятельности и была предназначена для приготовления жертвенной пищи – мяса барана. Большинство экземпляров рассматриваемой керамики с изображением барана – это налепы на ручках крышек от котлов. Среди казахского и киргизского народов до настоящего времени распространено суеверие о необходимости обязательно накрывать посуду с пищей в ночное время для защиты от злых духов, которые якобы, попробовав ее, могут навлечь болезнь на членов семьи [Тохтабаева, 2013, с. 146]. Курильницы, воспроизводящие барана, возможно, были связаны с жертвенным огнем. Культ огня, вера в его очищающие и целебные свойства были широко распространены среди киргизского и казахского народов. Во время киргизского обряда алас, проводимого для встречи нового года, киргизы перепрыгивали через костер и трясли над ним

одежду, произнося молитву, что символизировало «очищение» от несчастий уходящего года. Помимо огня, широко использовали дым, которым в магических целях окуривали одежду, колыбели детей [Баялиева, 1967, с. 118–119].

Обсуждение и выводы

Таким образом, преобладающее изображение барана на керамике с разным функциональным назначением из средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана свидетельствует о культе этого животного в культуре кочевого и оседлого населения региона, сыгравших основную роль в формировании казахского и киргизского этносов. С IX в., в карлукский период, отмечается упрощение изображений барана или его рогов, выполненных в пластике (фигурки, налепы) и рисунке. Постепенно проходит еще большая схематизация изобразительного стиля мастерами средневековья. В XII в. распространенными становятся керамические крышки с навершиями ручек в виде имитированных голов барана. Рога животного покрыты налепами-конусами с вертикально прочерченными линиями. Такие налепы, которые встречаются в качестве дополнительных элементов на фигурах двухголовых баранов, появляются в декоре алтарей, дастарханов, при этом без воспроизведения самого туловища или головы барана (рис. 2). Это может указывать на условную передачу обра-

за животного устоявшимися налепами-конусами. Украшение посуды небольшими налепами-шишками или налепами-конусами известно и по археологическим материалам бронзового века, найденным на территории Казахстана [Самашев, 2013, с. 55, рис. 65]. Использование древними мастерами такого мотива в орнаментальных композициях может быть связано с передачей солярных символов, а позднее – с сочетанием этой традиции с привнесенным согдийцами культом Фарна (божества огня, света и тепла). Этот элемент на посуде, как и S-образный мотив в традиционном орнаменте на войлочных изделиях среднеазиатских народов, имел культовое значение, возможно, завуалировано связанное с жертвенным бараном. Он получил широкое распространение в период господства ислама. Такие изобразительные традиции объясняются необходимостью населения сохранять полюбившиеся древние культуры и маскировать их в условиях распространения ислама, запрещающего изображения живых существ. У народов Южного Казахстана до настоящего времени сохраняются пережитки древних тотемистических верований. Это означает, что архаичные культуры имели сильнейшее воздействие на сознание жителей региона и не могли быть полностью «стерты» из обрядовой практики народа под запретом ислама. В связи с этим трансформировалась

Рис. 2. Фрагмент дастархана с налепами-конусами, IX–XII вв. Городище Куйрыктобе, Южный Казахстан [по: Байпаков, 2013, с. 285, рис. 89]

Fig. 2. Fragment of a Dorjin with cone-shaped moldings, 9th–12th centuries. Kuirik Tobe site, Southern Kazakhstan [according to Baipakov, 2013, p. 285, fig. 89]

изобразительная традиция среднеазиатских мастеров. Многие сакральные мотивы, играющие ключевую роль в мировоззрении горожан изучаемой территории, были «спрятаны» в растительном и геометрическом орнаменте на керамике и металле, что в целом характерно для искусства Средней Азии в древности.

Веками происходило смешение религиозных представлений сменявших друг друга народов Средней Азии. К тому же Семиречье и Южный Казахстан (регионы, где формировались казахский и киргизский народы) расположены на стыке с разными государствами и культурами, в местах пересечения торговых путей и взаимодействия кочевых и оседлых народов, поэтому характерными чертами цивилизации Семиречья и Южного Казахстана стали особая восприимчивость, принятие различных мировоззренческих элементов других этносов, их уникальный симбиоз, который стал определяющим для культур современного казахского и киргизского народов. Своеобразие Семиречья и Южного Казахстана заключается в веротерпимости и преемственности традиций, в сочетании элементов разных религий (тэнгрианство, зороастризм, манихейство, несторианство, ислам), пережитков разновременных культов (анимизм, фетишизм, тотемизм, шаманизм, культ предков, огня, очага).

Заключение

В результате изучения изображений барана на изделиях из глины в городской культуре Южного Казахстана в эпоху средневековья нами были выделены две хронологические группы: VII–XI вв. и XII–XIII вв.; восемь подгрупп изображений в соответствии с функциональным назначением изделий и восемь типов изображений барана по морфологическим и стилистическим признакам. Устойчивость архаичных элементов мировоззрения у среднеазиатских народов, выраженная в обычаях изображать барана на керамических изделиях и использовать животное в обрядовой практике, связана с сочетанием тюркских кочевых и оседлых зороастрийских элементов культур. Постепенно традиция изображения барана приобретает охранительные и преумножающие свойства. Это объясняется географическим положением Отарского района на стыке между земледельческими оазисами Средней Азии и скотоводческими степями кочевников, а также постепенным изменением климата и засухой, что было особенно неблагоприятно для земледелия и требовало обращения к взывающим к природе ритуалам с употреблением жертвенной пищи.

Список литературы

- Абрамзон С. М. Предметы культа казахов, киргизов и каракалпаков // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Б. м., 1978. 216 с.
- Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад : Илым, 1969. 295 с.
- Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5 : Археология. С. 3–215.
- Аргынбаев Х. М. Свадьба и свадебные обряды у казахов в прошлом и настоящем // Советская этнография. 1974. № 6. С. 69–77.
- Аргынбаев Х. М. Народные обычай и поверья казахов, связанные со скотоводством // Хозяйственно-культурные традиции Средней Азии и Казахстана. М., 1975. С. 195–197.
- Байпаков К. М. Культ барана у сырдарьинских племён // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 32–45.
- Байпаков К. М. Урбанизация Казахстана во второй половине VIII – начале XIII в. // Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы, 2013. Кн. 2. 516 с.

- Байпаков К. М., Алдаберганов Н. О. Отрасль оазис. Памятники археологии, искусства и художественных ремесел. Алматы : Баур, 2005. 256 с.
- Байпаков К. М., Терновая Г. А. Религии и культуры средневекового Казахстана (по материалам города Куйыркобе). Алматы : БАУР, 2005. 236 с.
- Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1943. 104 с.
- Бартольд В. В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы : Жалын, 1993. 192 с.
- Басилов В. Н., Ниязкычев К. Пережитки шаманства у туркмен-човдуров // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М. : ГРВЛ, 1975. С. 123–137.
- Баялиева Т. Д. Пережитки магических представлений и их изживание у киргизов // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе : Илим, 1967. С. 114–132.
- Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины: историко-археологический очерк. Алма-Ата : Казах. объедин. гос. изд., 1941. 65 с.
- Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М. : Наука, 1977. 194 с.
- Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934. Ташкент : Изд-во Ком. наук УзССР, 1935. 48 с.
- Демидов С. М. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований у юго-западных туркмен // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. 1962. Т. 6. С. 188.
- Древности Чардары: (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища) / А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Алма-Ата : Наука, 1968. 263 с.
- История религий в Казахстане (древность и средневековье) / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Г. А. Терновая. Алматы, 2018. 551 с.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М. : Наука, 1964. 215 с.
- Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. М. : ГРВЛ, 1981. Т. 1977. С. 117–138.
- Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе : Дониш, 1968. 126 с.
- Мустафина Р. М. Представления, культуры, обряды у казахов. Алма-Ата : Казак университеті, 1992. 176 с.
- Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока. М. : Сов. художник, 1978. 404 с.
- Самашев З. Казахское искусство : в 5 т. Алматы : Елнур, 2013. Т. 1 : Древнее искусство. 240 с.
- Скалон К. М. Изображения животных на керамике сарматского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л., 1941. Т. 1. С. 173–218.
- Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М. : Наука, 1969. 338 с.
- Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области / К. М. Байпаков, Г. А. Капекова, Д. А. Воякин, А. Н. Марьяшев. Тараз : Археологическая экспертиза, 2011. 620 с.
- Торгоев А. И., Кулиш А. В., Борсунбаев М. К. Городище Шамши III – ставка племен кенкольской культуры в Чуйской долине // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ) : материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра ист. наук А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук И. Н. Хлопина, 10–12 ноября 2020 г., г. Санкт-Петербург. СПб. : ИИМК РАН, 2020. С. 223–226.
- Тохтабаева Ш. Ж. Этикет Казахов. Алматы : Дайк-Пресс, 2013. 500 с.

References

- Abramzon S. M. Predmety kulta kazakhov, kirgizov i karakalpakov [Cult objects of Kazakhs, Kyrgyz and Karakalpaks]. Materialnaya kultura i khozyaistvo narodov Kavkaza, Srednei Azii i Kazakhstana [Material culture and economy of the peoples of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan]. В. М., 1978, 216 p. (In Russ.)
- Agadzhanyan S. G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii IX–XIII vv. [Essays on the history of the Oghuz and Turkmens of Central Asia in the 9th–13th centuries]. Ashgabat, Ilym Publ., 1969, 295 p. (In Russ.)
- Ageeva E. I., Patsevich G. I. Iz istorii osedlykh poselenii i gorodov Yuzhnogo Kazakhstana [From the history of settled settlements and cities of Southern Kazakhstan]. Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. Alma Ata, 1958, Vol. V. Arkheologiya [Archaeology], pp. 3–215. (In Russ.)
- Argynbaev Kh. M. Svadba i svadebnye obryady u kazakhov v proshlom i nastoyashchem [Wedding and wedding ceremonies among Kazakhs in the past and present]. Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. 1974, Vol. 6, pp. 69–77. (In Russ.)
- Argynbaev Kh. M. Narodnye obychai i poveriya kazakhov, svyazannye so skotovodstvom [Folk customs and beliefs of the Kazakhs related to cattle breeding]. Khozyaistvenno-kulturnye traditsii Srednei Azii i Kazakhstana [Economic and cultural traditions of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow, 1975, pp. 195–197. (In Russ.)
- Baipakov K. M. Kult barana u syrdariiinskikh plemen [The cult of the ram among the Syrdarya tribes]. Arkheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazakhstana [Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan]. Alma Ata, 1980, pp. 32–45. (In Russ.)
- Baipakov K. M. Urbanizatsiya Kazakhstana vo vtoroi polovine VIII – nachale XIII v. [Urbanization of Kazakhstan in the second half of the VIII – beginning of the XIII century]. Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovanii Yu-zhno-Kazakhstanskoi kompleksnoi arkheologicheskoi ekseditsii) [Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on the research materials of the South

- Kazakhstan complex archaeological expedition)]. Almaty, 2013, Book II, 516 p. (In Russ.)*
- Baipakov K. M., Aldaberganov N. O. *Otrarskii oazis. Pamyatniki arkeologii, iskusstva i khudozhestvennykh remesel [The Otrar oasis. Monuments of archaeology, art, and artistic crafts]*. Almaty, Baur Publ., 2005, 256 p. (In Russ.)
- Baipakov K. M., Ternovaya G. A. *Religii i kulty srednevekovogo Kazakhstana (po materialam gorodishcha Kuiryktope) [Religions and cults of medieval Kazakhstan (based on the materials of the Kuiryktope settlement)]*. Almaty, BAUR Publ., 2005, 236 p. (In Russ.)
- Baipakov K. M., Erofeeva I. V., Kazizov E. S., Ternovaya G. A. *Istoriya religii v Kazakhstane (drevnost i srednevekovie) [History of religions in Kazakhstan (Antiquity and the Middle Ages)]*. Almaty, 2018, 551 p. (In Russ.)
- Baipakov K. M., Kapekova G. A., Voyakin D. A., Mar'yashov A. N. *Sokrovishcha drevnego i srednevekovogo Taraza i Zhambylskoi oblasti [Treasures of ancient and medieval Taraz and Zhambyl region]*. Taraz, Archaeological Expertise Publ., 2011. 620 p. (In Russ.)
- Bartold V. V. *Ocherk istorii Semirechiya [An essay on the history of Semirechye]*. Frunze, Kirghizgosizdat Publ., 1943, 104 p. (In Russ.)
- Bartold V. V. *Tyurki: Dvenadtsat lektsii po istorii turetskikh narodov Srednei Azii [Turks: Twelve lectures on the history of the Turkish peoples of Central Asia]*. Almaty, Zhalyn Publ., 1993, 192 p. (In Russ.)
- Basilov V. N., Niyazklychev K. Perezhitki shamanstva u turkmen-chovdurov [Remnants of shamanism among Turkmen-Chovdurs]. *Domusulmanskie verovaniya i obryady v Srednei Azii [Domusulman beliefs and rituals in Central Asia]*. Moscow, GRVL Publ., 1975, pp. 123–137. (In Russ.)
- Bayalieva T. D. Perezhitki magicheskikh predstavlenii i ikh izzhivanie u kirgizov [Remnants of magical representations and their elimination among the Kyrgyz]. *Drevnyaya i rannesrednevekovaya kultura Kirgizstana [The ancient and early medieval culture of Kyrgyzstan]*. Frunze, Ilim Publ., 1967, pp. 114–132. (In Russ.)
- Bernshtam A. N. *Pamyatniki stariny Talasskoi doliny: istoriko-arkheologicheskii ocherk [Ancient monuments of the Talas Valley: historical and archaeological an essay]*. Alma Ata, Kazakh United State Publishing House, 1941, 65 p. (In Russ.)
- Demidov S. M. K voprosu o nekotorykh perezhitkakh domusulmanskikh obryadov i verovani u yugo-zapadnykh turkmen [On the question of some remnants of pre-Muslim rituals and beliefs among Southwestern Turkmens]. *Trudy Instituta istorii, arkeologii i etnografii TSSR [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR]*. 1962, Vol. VI, p. 188. (In Russ.)
- Grigoriev G. V. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Yangiyulskom raione UzSSR v 1934 [Report on archaeological exploration in the Yangiyul region of the Uzbek SSR in 1934]*. Tashkent, Publishing House of the Committee of Sciences of the Uzbek SSR, 1935, 48 p. (In Russ.)
- Klyashtorny S. G. *Drevneyurkskie runicheskie pamyatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii [Ancient Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia]*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 215 p. (In Russ.)
- Klyashtorny S. G. Mifologicheskie syuzhety v drevneyurkskikh pamyatnikakh [Mythological plots in ancient Turkic monuments]. *Tyurkologicheskii sbornik [Turkological collection]*. Moscow, GRVL Publ., 1981, Vol. 1977, pp. 117–138. (In Russ.)
- Litvinskii B. A. *Kangyuisko-sarmatskii farn (k istoriko-kulturnym svyazym plemen yuzhnoi Rossii i Srednei Azii) [Kangyu-Sarmatian Farnese (on the historical and cultural relations of the tribes of Southern Russia and Central Asia)]*. Dushanbe, Donish Publ., 1968, 126 p. (In Russ.)
- Maksimova A. G., Mershchiev M. S., Vainberg B. I., Levina L. M. *Drevnosti Chardary: (Arkheologicheskie issledovaniya v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha) [Antiquities of Chardara: (Archaeological research in the Chardarin area Reservoirs)]*. Alma Ata, Nauka Publ., 1968, 263 p. (In Russ.)
- Mustafina R. M. *Predstavleniya, kulty, obryady u kazakhov [Performances, cults, rites among Kazakhs]*. Alma Ata, Cossack University Publ., 1992, 176 p. (In Russ.)
- Rempel L. I. *Iskusstvo Srednego Vostoka [The Art of the Middle East]*. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1978, 404 p. (In Russ.)
- Samashev Z. *Kazakhske iskusstvo: v 5-ti tomakh [Kazakh art: in 5 volumes]*. Almaty, Elnir Publ., 2013, Vol. I. *Drevnee iskusstvo [Ancient art]*, 240 p. (In Russ.)
- Skalon K. M. *Izobrazheniya zhivotnykh na keramike sarmatskogo perioda [Images of animals on ceramics of the Sarmatian period]*. *Trudy Otdela istorii pervobytnoi kultury Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the Department of the History of Primitive Culture of the State Hermitage Museum]*. Leningrad, 1941, Vol. 1, pp. 173–218. (In Russ.)
- Snesarev G. P. *Relikty domusulmanskikh verovanii i obryadov u uzbekov Khorezma [Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm]*. Moscow, Nauka Publ., 1969, 338 p. (In Russ.)
- Toktabaeva Sh. Zh. *Etiket Kazakhov [Etiquette of Kazakhs]*. Almaty, Daik-Press Publ., 2013, 500 p. (In Russ.)
- Torgoev A. I., Kulish A. V., Borsunbaev M. K. *Gorodishche Shamshi III – stavka plemen kenkolskoi kultury v Chuiskoi doline [Shamshi III settlement – headquarters of the Kenkol culture tribes in the Chui Valley]*. *Drevnie i srednevekovye kultury Tsentralnoi Azii (stanovlenie, razvitiye i vzaimodeistvie urbanizirovannykh i skotovodcheskikh obshchestv): materialy Mezdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya d-ra. ist. nauk A. M. Mandelshtama i 90-letiyu so dnya rozhdeniya d-rist. nauk I. N. Khlopina (10–12 noyabrya 2020 g., g. Sankt-Peterburg) [Ancient and medieval cultures of Central Asia (formation, development and interaction of urbanized and pastoral societies): Proceedings of the International Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences A. M. Mandelshtam and the 90th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences I. N. Khlopin (November 10–12, 2020, St. Petersburg)]*. St. Petersburg, IHMC RAS Publ., 2020, pp. 223–226. (In Russ.)
- Vainberg B. I. *Monety drevnego Khorezma [Coins of ancient Khorezm]*. Moscow, Nauka Publ., 1977, 194 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Маркова Кристина Юрьевна

старший преподаватель, кафедра теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин, Кемеровский государственный университет; Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
e-mail: korobkova9@mail.ru

Information about the author

Markova Kristina Yurievna

Senior Lecturer, Department of Theory and Methods of Teaching Humanities, Kemerovo State University; 6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russian Federation
e-mail: korobkova9@mail.ru